

О Поездки к тенггерам меня отговаривали: был сезон дождей; кое-где тропические ливни размыли дорогу и сделали ее небезопасной. Все-таки я решил ехать, понадеявшись на выносливость и проходимость нашего «газика».

Обитают тенггеры на верхних склонах горы Бромо. Теперь гора уже не окружена, как прежде, непроходимыми джунглями. К ее подножию подведены шоссейные дороги, и район Бромо почти столь же густо населен, как и другие местности Восточной Явы.

Лишь на самой подробной этнографической карте можно увидеть маленькую точку — место расселения тенггеров, — окруженную штриховкой, обозначающей яванцев. Кто такие тенггеры? Особая этническая группа, может быть, даже народность? Или это те же яванцы, но отличающиеся от основной массы населения верностью старым обычаям и верованиям? На этот счет между учеными ведутся споры. Советское издание «Народы мира» осторожно называет тенггеров особой этнографической группой яванцев, не поддавшихся исламизации и сохранивших индуизм с примесью анимизма.

Можно встретить различные объяснения происхождения тенггеров, не подвергшихся влиянию ислама. Одни исследователи считают, что, когда Маджапахит, могущественное индуистское государство с центром на Восточной Яве, был разгромлен в XVI веке коалицией приморских мусульманских княжеств, некоторая часть маджапахитского общества не захотела принять ислам и подчиниться завоевателям и ушла на остров Бали. Среди этих переселенцев и были якобы предки современных тенггеров.

На склонах горы Бромо

*Тенггерский крестьянин.
Фото автора*

Другая точка зрения: тенггеры — это часть местного населения Маджапахита, которая ко времени падения этого государства была индуизирована еще чрезвычайно слабо и сохраняла древние, анимистические представления в большей степени, чем население других районов.

Социальный уклад у тенггеров был скорее родовой, чем феодальный. Изолированные от примор-

Л. ДЕМИН

Кандидат исторических наук

ских торговых районов, они вели довольно примитивное натуральное хозяйство. Специфика географических условий, труднодоступная местность мешали яванцам-мусульманам приобщить тенггеров к новой религии, к своему жизненному укладу. Консервативная устойчивость быта тенггерских общин, изоляция от внешнего мира способствовали сохранению старых обычаев и верований. Нельзя не считать и с тем фактором, что сравнительно скоро после падения Маджапахита яванские феодальные государства столкнулись с колониальной экспансией голландцев и просто не смогли уделить достаточно внимания малочисленным горным общинам тенггеров.

От приморского города Пасуруана едем на юг. Сперва обычные яванские пейзажи: чередование рисовых полей и пальмовых рощиц, деревушки с неизменными мечетями, мусульманские кладбища в сени тенистых магнолий. На горизонте синее окутанная дождевыми облаками легендарная Бромо.

Дорога начинает подниматься в гору. Становится прохладнее. Все реже рисовые поля. Вместо пальм — какие-то хвойные деревья вроде наших крымских кипарисов.

В маленьком горном городке Сукапура наносим официальные визиты местным властям. Здесь центр сельского округа — кеаматана. В его пределах находится около полутора десятков тенггерских деревень. Иностранцы не часто забираются в этот глухой уголок. Поэтому наше появление стало целым событием для местного начальства. Нас вызываются провожать и сам чамат — начальник округа, господин Рахмат, и начальник местной полиции, и еще какой-то военный чин. Вся эта компания с трудом втискивается в наш бедный «газик». Я с опаской думаю о предстоящих выражах над кручами и пропастями. Сухопарый индонезиец, шофер нашего генконсульства, с бесстрастным видом берется за баранку. Его спокойствие вселяет и во мне уверенность, что «газик» выдержит испытание.

Словоохотливые попутчики занимают меня разговорами.

— Единственный европеец в нашем городе — отец Спендер, — говорит чамат. Я узнаю, что это священник из Западной Германии, миссионер какой-то секты протестантского толка. Он считает себя знатоком тенггерских обычаев и верований и пытается воздействовать на тенггеров словом божьим. Притякий святой отец рассчитывает приобщить к своей вере обитателей горы Бромо.

— Какова численность всех тенггеров? — спрашиваю я.

— Трудно назвать точную цифру, — отвечает чамат. — Тысяч двадцать, мы полагаем. Многие ассимилируются с окружающим населением и уже не считают себя тенггерами.

Взбираемся выше и выше по крутому и извилистому карнизу над пропастью. Провозжаем один «чертов мост» над глубокой расщелиной, другой.

— А вот и тенггеры, — говорят мои попутчики. Навстречу нам шагают два парня с ношей — типичные яванцы, даже не в национальной, а в обычной одежде современного покроя. У одного из парней — уродливо-бесформенная шея.

— Зоб, болезнь щитовидной железы, — поясняет начальник полиции. — К сожалению, она очень распространена среди тенггеров. Говорят, в местных источниках не хватает каких-то солей.

Еще и еще крутые подъемы и повороты над пропастью. Моросит мелкий и нудный дождик. Становится прямо-таки холодно.

Въезжаем в первую тенггерскую деревню. Тоже деревня как деревня. Разве только выглядит она почище и позажиточней, чем яванская. Узнаю интересную подробность. Здешний лурах, сельский староста, одновременно является и жрецом — дукуном, сочетая, так сказать, светскую и духовную власть в одном лице.

Хижины в тенггерских деревнях довольно просторные, с двух- или четырехскатной кровлей. Стоят они обычно на кирпичном фундаменте, стенами служат сплетенные из бамбуковой щепы маты, опрятно побеленные. Возле каждого дома сложены штабелями початки кукурузы — одной из главных сельскохозяйственных культур у тенггеров. Кукуруза зеленеет не только на ровных площадках, но и на самых крутых склонах. Кроме нее тенггеры выращивают картофель, капусту и другие овощи, а также различные фрукты, в частности местные цитрусовые. Здесь дорожат буквально каждым вершком земли. Между кочанами капусты посеян лук. Рисовых полей тут не увидишь; для риса климат слишком суров.

Можно сказать, что тенггеры — овощеводы и животноводы.

Конечная цель нашего путешествия — Джойокертодерджо. Это горная деревушка, чистенькая, какая-то даже аскетическая. В ней нет, как и вообще в тенггерских деревнях, ни специальных ритуальных сооружений, ни памятников, какие можно встретить, например, на острове Бали.

Нас приветливо встречает лурах, пожилой пак¹ Сисво. Он в черной бархатной шапочке — пичи, какие обычно носят и соседи-мусульмане. Это довольно развитый, словоохотливый человек, служивший в прошлом в индонезийской армии, участвовавший в национально-освободительном движении. Входим в его дом — жилище средней руки крестьянина; за стеной деревенская контора: письменный стол, настенные часы, портрет нынешнего президента.

Лурах угощает нас душистыми плодами манго и черным кофе и охотно отвечает на вопросы.

Прежде всего интересуюсь, на каком языке говорят тенггеры. Можно ли считать их язык самостоятельным, или же это только местный диалект яванского языка?

— Яванец поймет тенггера, хотя и не без труда, — отвечает лурах и поясняет свою мысль практическим примером, не вдаваясь в непосильный для него лингвистический анализ: — Яванец скажет «сиро», то есть молодой, «рико» — старый. Тенггер скажет: «сира», «рика».

Я понял со слов лураха, что язык тенггеров близок к восточнояванскому диалекту района Маланга, Проболинго, Пасуруана. Однако у тенггеров сохранилось немало древнеяванских слов, уже вышедших из употребления в других районах, и звук «о» имеет тенденцию переходить в «а», как в тех примерах, которые привел пак Сисво.

Имена тенггеров также мало отличаются от тех имен, которые носят яванцы, исповедующие ислам. Сувито, Сантосо, Сисво — вот имена, типично мусульманские, которые можно встретить почти в каждой тенггерской деревне.

— Каковы социальные отношения у тенггеров? Играет ли община — деса — какую-нибудь иную роль, кроме административной?

Пак Сисво не сразу понял меня. Наконец, после ряда наводящих вопросов, удается выяснить, что

¹ Пак — букв. отец; обращение к уважаемому лицу, старшему по возрасту.

деса как община давно потеряла свое значение замкнутой социально-экономической единицы.

— Кому принадлежит земля? — спрашиваю я.

— Как кому? — удивляется моей наивности пак Сисво. — Каждая семья имеет свой участок и может делать с ним все, что захочет: продать, заложить, завещать наследникам. Конечно, владелец посоветуется с десой, но никаких ограничений не встретит.

Я понял, что общинной собственности на землю у тенггеров давно нет. Произошел процесс разложения общины. Продолжается углубление имущественного расслоения.

Когда мы подъезжали к деревне, я обратил внимание на живописную кирпичную виллу на крутом склоне горы над дорогой.

— Горная дача какого-нибудь сурабайского богача? — поинтересовался я.

— Нет, здесь живет один разбогатевший тенггер, — пояснил кто-то из моих спутников.

Какие же причины привели к разложению древней общины, разрушили традиционный уклад тенггеров? Прежде всего преодоление замкнутости, общение с окружающим населением, с рынком. Тенггеры втянулись в товарное хозяйство. Основным источником их существования стал сбыт овощей, находящихся спрос на рынках Сурабаи и других крупных городов.

Лурах пояснил этот процесс практическим примером.

— Видите грузовик? — Он указал в окно. Невдалеке от дома действительно стоял старенький, обшарпанный грузовичок. Трудно было представить себе, как он смог осилить долгий путь над пропастями. В деревню приехал скупщик овощей. Он перепродает кукурузу, капусту, лук, картофель одному богатому китайцу, оптовому торговцу из Сурабаи. У того целая сеть агентов-лавочников. Все они наживаются на труде крестьян-тенггеров, которым перепадает не так уж много. Конечно, каждая крестьянская семья стремится продать побольше овощей скупщику, а для этого — побольше распахать земли.

В настоящее время деса сохранила свою роль лишь как организация административно-религиозная.

И в десе Джойокертодерджо налицо своеобразное сочетание светской и духовной власти. Местный дукун — по совместительству деревенский писарь, то есть правая рука старосты. Они фактически и вершат всеми делами деса, хотя есть и деван деса — общинный совет, который обсуждает различные деревенские дела.

Тенггерской общине чужда та замкнутость, которая свойственна, например, общине балийской. Любый, не коренной житель деса, не тенггер даже по происхождению, может сравнительно легко стать полноправным ее членом. Для этого надо прожить в тенггерском поселении не менее шести месяцев и получить согласие деса. Требуется лишь одно неперемное условие — соблюдение всех тенггерских обычаев и обрядов. Бывают случаи, когда явенец из ближайшей мусульманской деревни женится на тенггерской девушке и входит в дом тестя, принимает религию своих новых родичей и вскоре становится членом деса.

Хотя общинной собственности на землю давно нет, члены деса часто трудятся сообща, когда, например, помогают соседу построить жилище, раскорчевать и распахать новый участок земли, приходят на помощь семье, потерявшей кормильца. Этот обычай помогать друг другу называют распространенным в Индонезии термином «гонтон-ройонг».

Тенггеры не признают какого-либо сословного или кастового деления, и никто не может сказать, чтобы какие-либо признаки сословий или каст существовали и раньше.

— У нас полное равенство и демократия, — несколько раз не без бахвальства повторил пак Сисво. В действительности картина, конечно, не столь идиллическая. Зажиточная деревенская верхушка, торговцы, скупщики овощей эксплуатируют труд крестьян.

Хотя жрецы и не считаются каким-либо привилегированным сословием, стать жрецом может далеко не всякий. Это наследственный пост, переходящий от отца к сыну, от сына к внуку. Если у жреца нет сыновей, ему может наследовать младший брат, племянник или другой ближайший родич.

Никакого верховного религиозного главы у тенггеров нет. Лишь во время главного ежегодного праздника, связанного с восхождением к кратеру Бромо, в котором участвуют все тенггеры, избирается главный дукун. Он руководит всей праздничной церемонией с помощью других дукунов. Но с окончанием празднеств его обязанности главного дукуна кончаются.

Во время важных обрядов жрецу прислуживает молодой помощник. Обычно это его наследник, который постепенно усваивает опыт своего наставника с тем, чтобы впоследствии занять его место. Дукун должен хранить в своей памяти все традиции, обычаи деса.

Утратив особенности старинного быта и социальной организации, тенггеры сохранили древние религиозные верования и обряды.

— Религия не по моей части. Об этом вам расскажет наш дукун пак Картоно, — сказал староста, когда я приступил к расспросам о религиозных верованиях тенггеров.

Дукун деревни, сухопарый, еще не слишком старый тенггер с живыми выразительными глазами, чем-то похож на пака Сисво. Может быть, они близкие родственники.

— Наша религия — Тримурти, — сказал дукун, отождествляя название тенггерской религии с именем индусской троицы. В индонезийской научной литературе можно встретить термин «буддийско-тенггерская религия». По всей видимости, сами тенггеры имеют очень смутное представление об индуистской или буддийской догматике, об индуистском пантеоне богов. Поэтому их определения собственной религии очень нечетки.

Не пытаясь здесь подобрать и обосновать наиболее удачное определение тенггерской религии, хочу указать на глубокие корни и живучесть древних анимистических представлений. В этом я смог убедиться, беседуя с дукуном.

Священнослужитель не смог сказать точно, как его соплеменники представляют себе образы хотя бы главных богов индуистского пантеона: Шивы, Вишну, Брахмы. Никакой иконографии в виде скульптур, рельефов, живописи тенггеры не знают. Известны лишь имена богов, но каковы их функции, индивидуальные черты, каковы связанные с ними мифологические сюжеты — на это тенггер не ответит. «Богов много. Есть добрые, есть злые», — скажет он. В представлении тенггера боги — это нечто абстрактное, бесконечно далекое, с чем он лично никогда не столкнется. Может быть, всеведущий дукун знает о них лучше.

Зато в повседневной жизни обитателей горы Бромо участвует множество духов, которые могут оказывать свое доброе или злое влияние на любое дело. Но и к ним тенггер относится более или менее рав-

На седьмой или восьмой день от рождения ребенок получает имя по выбору родителей. По этому случаю делается небольшое жертвоприношение — кушанье из риса с кокосовым соком. Когда младенец достигает возраста 40 дней, его язык царапают листом травы аланг-аланг, для того чтобы в будущем он научился говорить. Вновь совершается жертвоприношение. После этого можно стричь ребенку волосы.

Один из важнейших праздников у тенггеров — каро, нечто вроде нашего Нового года. Празднуется он ежегодно во второй месяц по старому яванскому летоисчислению, не совпадающему с европейским. За день до праздника в доме лураха устраивается за счет всех членов десы массовое угощение. Духам предков и местному божеству богу Бромо

ФОТО ИЗ ГАЗЕТЫ «ВОХЕНПОСТ» (ГДР)

На пресс-конференции он не только удовлетворил наше любопытство, но даже наглядно перевоплотился в индийца. Он вытащил из кармана желтый платок, на котором были нарисованы полосы, и начал ими обматывать свою голову. Его движения были очень быстрыми, и он закончил в считанные минуты. В этот момент он выглядел как настоящий индус. Мы все аплодировали, и он улыбнулся.